

В.-А.
Мозарт в четыре руки

Клавиатуру поделили по-братски

Поляра Садых-заде

Вокруг здания Государственной оперы на Унтер-ден-Линден шумел рождественский базар. Золотая россыпь лампочек ярко светилась над улочкой, сплошь заставленной лавками с праздничной дребеденью — фарфоровыми ангелами, майоликовой посудой, свитерами грубой вязки, свечками, мерцающими в разноцветных стаканчиках. Веселая толпа гуляющих поедала жаренные сосиски, запивая их пивом. В морозном воздухе плыли пряные запахи глинтвейна и восточные ароматы.

Пробраться сквозь людской водоворот к опере оказалось непростой задачей. Впрочем, эта преграда никого не остановила бы, потому что вечером в опере ожидался поистине необыкновенный концерт. Гиганты мирового пианизма Даниэль Баренбойм и Раду Лупу собрались музицировать вместе на публике, по-братски поделив клавиатуру пополам. В сущности, они решили вынести на сцену свои сугубо частные развлечения, играя Моцарта в четыре руки.

Надобно сказать, игра на рояле в четыре руки — это ни с чем не сравнимое удовольствие. Всякий, кто хоть немного научился перебирать клавиши, знает эту чистую радость общения с партнером без слов, посредством музыки. Причем подавляющее большинство четырехручных опусов Моцарта, Шуберта, Глинки предназначено исключительно для домашнего музицирования. Музыка эта, как правило, не слишком сложна технически, всегда приятна, мелодична и очень часто умирительно наивна. Концертный, репрезентативный пафос в ней отсутствует начисто, да он и не нужен здесь. Ведь оба пианиста играют для себя, им нет никакого дела до слушателей, которым ос-

тается лишь с завистью наблюдать за процессом.

Двое солидных авторитетных мужчин веселились прилюдно, как дети, играя моцартовские сонаты. Один из них, румын с седой бородой, считается чуть ли не первым в мире пианистом, а другой, выходец из русско-еврейской семьи, жившей в Буэнос-Айресе (!), снискал мировую славу сначала как пианист, а потом и как дирижер. Конечно, далеко не все и не всегда у них получалось вместе: поди попробуй сыграть моцартовские выверты с параллельным изложением мелодии у двух правых рук! Многие пытались, еще в консерваторские годы. Гладко, без «кваканья» не выходило ни у кого. И у Раду Лупу с Баренбоймом не вышло, но это было неважно. Важно было другое: они играли Моцарта так, что сразу становилось ясно, как невероятно хрупка и мимолетна красота в нашем мире, как она именно поэтому драгоценна и как нужно беречь ее и ценить. Потому что завтра, быть может, она исчезнет. В сущности, Моцарт ведь учит только ценить летучее мгновение красоты здесь и сейчас и быть счастливым каждый миг звучания музыки.

Два осанистых партнера в черных концертных сюртуках ловко перекидывали тему от одного к другому, как мячик, высоко приподнимали локти, чтобы соседу было сподручнее добраться до верхнего регистра. Зал следил во все глаза — это и впрямь было увлекательное зрелище.

Впрочем, так поступали не все: сидящие справа и слева от меня два пожилых добродушных джентльмена погрузились в сладкий сон и мирно посапывали под убаюкивающее журчание моцартовской музыки. Это ничуть не мешало слушать. Наоборот, состояние умиротворения, льющееся со сцены, резонирова-

Фото: AFP

ло с состоянием спящих и оттого лишь усиливалось. В общем, все было очень славно: тихие трели, игра «вполголоса», чтобы не утяжелить изящные контуры композиций. Никакого нажима пера, ничего утрированного — только легкость, парение и восторг. И мягкий юмор, прорывающийся время от времени, — когда подаются интонацию «с оттяжкой» или играют, нарочито артикулируя фразу. Грань между шуткой и серьезной интерпретацией была трудноуловима: это мерцание смыслов придавало музицированию дополнительную, довольно напряженную интригу.

Напоследок на авансцену выкатили второй рояль и поставили

два инструмента «валетом». Партнеры уселись друг против друга и «сбавали» — другого слова не подберешь — сонату ре мажор, уже для двух роялей. Тут-то и наступило наконец торжество репрезентативного пианизма: это была дуэль, состязание двух виртуозов, демонстрация возможностей, обращенная к залу. Потому что одно дело — делить одну клавиатуру пополам, тут важны слаженность и уступчивость. А другое — когда каждому достается клавиатура целиком. Это уже совсем иной тип отношений с партнером и иной тип отношений с залом — экстравертный, ораторский, восклицательный. В этом роде музицирования оба

«зубра» оказались наконец в своей привычной стихии, особенно Баренбойм с его привычками лидера-дирижера. Он задавал темп и динамику, а Лупу послушно следовал сигналам Баренбойма.

В общем и целом, концерт был, конечно, выдающийся, редкостный по глубине и качеству музыкальных переживаний и даже выводящий на некие философские обобщения. Остается лишь удивляться тому, как Баренбойм все успевает — репетировать «Бориса Годунова», готовиться к клавирному вечеру да еще и примеряться к выступлениям с Берлинскими Филармониками, которые последуют сразу же после премьеры «Бориса».